

Формы социальной активности как предикторы региональной идентичности у молодежи

Григорьева М.В.

**ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2541-2186>, e-mail: grigoryevamv@mail.ru**

Шаров А.А.

**ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0635-1413>, e-mail: sha555da@mail.ru**

Заграничный А.И.

**ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1383-9430>, e-mail: zagr.93@inbox.ru**

Цель. Рассмотреть формы социальной активности в роли предикторов формирования убеждений и региональной идентичности.

Контекст и актуальность. Социальная активность современной молодежи характеризуется многообразием различных форм как в реальной, так и в виртуальной среде. Необходимы анализ и научное осмысление влияния различных форм социальной активности на формирование региональной идентичности и убеждений молодежи.

Дизайн исследования. После проведения диагностического этапа исследования, включающего получение показателей касательно убеждений, региональной идентичности, а также социальной активности, был проведен регрессионный анализ. Данный метод применялся для выявления предикторов региональной идентичности и убеждений. Все авторские шкалы прошли экспертную оценку социальными психологами и проверку на внутреннюю согласованность.

Участники. 920 респондентов, 35% мужского пола, в возрасте 14–35 лет, средний возраст – 20 лет. Из них в сельской местности проживают 7%, в малых городах – 24%, в крупных городах – 63%, в мегаполисах – 6%.

Методы (инструменты). Шкалы, направленные на измерение различных видов социальной активности (Р.М. Шамионов, М.В. Григорьева, И.В. Арндачук и др.). Авторские шкалы, направленные на изучение оценки гражданского самосознания. Опросник «Шкала базисных убеждений» (в адаптации О.А. Кравцовой).

Результаты. Основными предикторами региональной идентичности выступают такие формы социальной активности, как интернет-поисковая, профессиональная и субкультурная. Положительными предикторами являются профессиональная группа, субкультурная группа, а отрицательным предиктором является форма активности, связанная с поиском информации и социальных контактов в виртуальной среде. Значимых предикторов из числа форм социальной активности для убеждений «Благосклонность мира» и «Справедливость мира» не выявлено. Для убеждения «Доброта людей» основными положительными предикторами являются гражданская, профессиональная, субкультурная формы активности, а отрицательным предиктором – интернет-сетевая активность. Основным положительным предиктором для убеж-

дения «Контролируемость мира» выступает гражданская активность, а отрицательным — семейно-бытовая активность. Для убеждения «Случайность происходящего» положительным предиктором является интернет-сетевая активность, а отрицательными предикторами — досуговая и субкультурная. Положительным предиктором для убежденности в ценности собственного «Я» выступает досуговая активность, а отрицательным предиктором — субкультурная. Для убеждения «Степень самоконтроля» основным положительным предиктором выступает интернет-сетевая активность, а отрицательными предикторами являются социально-политическая и интернет-поисковая активность. Основным отрицательным предиктором для убеждения «Степень удачи» является образовательно-развивающая активность.

Основные выводы. Региональная идентичность молодежи незначительно определяется формами социальной активности, в которые включена молодежь. Основными предикторами региональной идентичности являются те формы социальной активности, которые реализуются в локальных группах на региональном уровне (профессиональная, субкультурная). Наиболее значимыми предикторами из форм социальной активности молодежи для базисных убеждений личности являются интернет-сетевая и субкультурная активность, выступающие предиктором для 3-х базисных убеждений.

Ключевые слова: социальная активность молодежи, убеждения, региональная идентичность.

Финансирование. Исследование выполнено в Саратовском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского за счет гранта Российского научного фонда № 18-18-00298, <https://rscf.ru/project/21-18-28004/>.

Для цитаты: Григорьева М.В., Шаров А.А., Заграничный А.И. Формы социальной активности как предикторы региональной идентичности у молодежи // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 1. С. 74–91. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2023140105>

The Forms of Social Activity as Predictors of Regional Identity among Young People

Marina V. Grigoryeva

Saratov State University, Saratov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2541-2186>, e-mail: grigoryevamv@mail.ru

Aleksei A. Sharov

Saratov State University, Saratov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0635-1413>, e-mail: sha555da@mail.ru

Anton I. Zagranichnyy

Saratov State University, Saratov, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1383-9430>, e-mail: zagr.93@inbox.ru

Objective. To consider the forms of social activity as predictors of the formation of beliefs and regional identity.

Background. The social activity of modern youth is characterized by a variety of different forms, both in real and virtual environments. It is necessary to analyze and scientifically comprehend the influence of various forms of social activity on the formation of regional identity and beliefs of young people.

Study design. After carrying out the diagnostic stage of the study, which includes obtaining indicators regarding beliefs, regional identity, as well as social activity, a regression analysis was carried out.

This method was used to identify predictors of regional identity and beliefs. All the author's scales have been peer-reviewed by social psychologists and checked for internal consistency.

Participants. 920 respondents, 35% male, aged 14–35 years, average age 20 years. Of these, 7% live in rural areas, 24% in small towns, 63% in large cities, and 6% in megacities.

Measurements. Scales aimed at measuring various types of social activity (R.M. Shamionov, M.V. Grigorieva, I.V. Arendachuk, etc.). Author's scales aimed at studying the assessment of civic consciousness. Questionnaire "Scale of basic beliefs" (adapted by O.A. Kravtsova).

Results. The main predictors of regional identity are such forms of social activity as Internet search, professional and subcultural. Positive predictors are a professional group, a subcultural group, and a negative predictor is a form of activity associated with the search for information and social contacts in a virtual environment. No significant predictors among the forms of social activity for the beliefs "Favor of the world" and "Justice of the world" have been identified. For the "Kindness of People" belief, the main positive predictors are civic, professional, and subcultural forms of activity, and the negative predictor is Internet-network activity. The main positive predictor for the belief "Controllability of the world" is civic activity, and the negative one is family and household activity. For the belief "Randomness of what is happening", the positive predictor is Internet network activity, and the negative predictors are leisure and subcultural. Leisure activity is a positive predictor for the belief in the value of one's self, and subcultural activity is a negative predictor. For the "Degree of self-control" belief, the main positive predictor is Internet network activity, and the negative predictors are socio-political and Internet search activity. The main negative predictor for the belief "Degree of luck" is educational and developmental activity.

Conclusions. The regional identity of young people is slightly determined by the forms of social activity in which young people are included. The main predictors of regional identity are those forms of social activity that are implemented in local groups at the regional level (professional, subcultural). The most significant predictors of the forms of social activity of young people for the basic beliefs of the individual are Internet-network and subcultural activity, acting as a predictor for the 3 basic beliefs.

Keywords: social activity of youth, beliefs, regional identity.

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation № 18-18-00298, <https://rscf.ru/project/21-18-28004/> at Saratov State University.

For citation: Grigoryeva M.V., Sharov A.A., Zagranichnyi A.I. The Forms of Social Activity as Predictors of Regional Identity among Young People. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 1, pp. 74–91. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2023140105> (In Russ.).

Введение

На сегодняшний день наблюдается рост числа исследований в рамках изучения различных сторон социальной активности молодежи. Интерес к рассмотрению данного социально-психологического феномена обуславливается трансформацией активности личности и группы во всех сферах жизни социума. И тому есть несколько причин. Во-первых, неблагоприятная геополитическая и экономическая обстановка, в которой с конца

февраля 2022 года оказалась наша страна (проведение специальной военной операции), во-вторых, свежий след обостренной пандемической ситуации и связанные с ней различного рода ограничения и запреты, в-третьих, стремительное развитие информационно-коммуникативных технологий, виртуальной среды в целом. Вышеупомянутые особенности закономерно приводят к необходимости рассмотрения и изучения различных психологических аспектов социальной активности

молодого поколения. Учитывая тот факт, что под социальной активностью понимается не только участие представителей молодежной демографической группы в различных сферах жизнедеятельности и исполнение социальных ролей, но и инициативное, творческое отношение к себе и различным сферам общественной жизни [20; 28], можно предположить появление и развитие нескольких направлений исследовательского характера в упомянутом контексте. Прежде всего это выделение и описание различных форм социальной активности [29]. Отталкиваясь от вышеупомянутого конструкта, берут начало и исследования деятельностных характеристик [2], ценностных [31], волевых [30] и социально-демографических предикторов активности молодежи [24], взаимосвязи со склонностью к рискованному поведению [27], мотивации социальной активности и ее соотношение с гражданским самосознанием [8]. Важным пластом в рамках современных научных изысканий является рассмотрение проблематики соотношения активности молодежи с такими психологическими характеристиками, как доверие, конформизм, психологическое благополучие и т.д. [13]. Рассматривается проблематика влияния социальной активности молодого поколения на: интеграцию его в современное общество [4], нравственное самоопределение [14], позиции на рынке труда [3].

Особенно интересным, на наш взгляд, является рассмотрение вопроса о формах социальной активности как предикторах региональной идентичности в молодежной среде.

Взаимосвязь обозначенных выше феноменов обусловлена, с одной стороны, тем, что система взглядов на мир и отношение к нему, а также социальные убеждения субъекта находят отражение в социальной активности, а с другой — сами

формы активности могут влиять на различного рода убеждения, в том числе касающиеся региональной идентичности [10]. Каждый акт поведения субъекта сопровождается возникновением своеобразного динамического элемента — убеждения, которое направляет развертывание процессов сознания и единиц поведения [15; 26]. Убеждения можно рассматривать как осознанно выбранные личностью и принятые за основу жизнедеятельности в социуме нормы и аксиомы [11]. Базисные убеждения представляют собой относительно устойчивые представления человека о мире, самом себе, влияющие на его психику и социальное поведение [16]. Совокупность базисных убеждений составляет собой мировоззрение, которое исходя из позиции М.Л. Хуторной и Е.В. Баркаловой может определяться как сложноструктурное фундаментальное образование зрелой психики, включающее в себя важнейшие знания человека о мире и отношения к нему, влияющее на процессы оценки, восприятия действительности и организации деятельности [25].

Региональная идентичность также входит в конструкцию сознания и понимается как объективное состояние, основанное на рефлексивном чувстве целостности и личной самоидентифицированности с региональным социумом [7; 22]. Идентичность, по мнению современных авторов, является отражением мотивационно-ценностной направленности личности. Важная роль отводится именно региональной идентичности как соотносительности индивида с его территорией проживания, определенной общностью, локализованной в пределах конкретного территориально-административного региона [9]. Аналогичную позицию занимают и другие исследователи. Так, К.Е. Тумакова, изучая факторы формирования социальной

идентичности, приходит к выводу, что региональная идентичность, являясь эмоционально-ценностным восприятием региона в деятельностном аспекте, является результирующей ценностного, эмоционального и когнитивного процесса самоотождествления личности с региональным сообществом, формируя определенный тип социальной активности субъекта [23].

Психологами отмечается большое количество работ, посвященных региональной идентичности молодежи в настоящее время. Это связывается как с необходимостью поиска основ психологического благополучия жителей того или иного региона, так и с поиском путей развития этого региона [17]. Чаще такие исследования направлены на выявление конкретной информации об эмоционально-ценностном восприятии определенных символов региона [5; 12].

На наш взгляд, заслуживает внимание точка зрения отечественных авторов, которые, обобщая теоретико-методологические и исследовательские работы в контексте региональной идентичности, приводят ее определение. По их мнению, региональная идентичность — это комплексный феномен взаимосвязанных когнитивных, ценностных, эмоциональных компонентов в рамках самоотнесения индивида (социальной группы) с территорией проживания, осознания принадлежности к региональному сообществу, действенно-деятельного отношения к региону [1].

Взаимосвязь феномена социальной активности и таких конструктов, как убеждения и региональная идентичность, можно объяснить основополагающим принципом психологической науки — принципом единства сознания и деятельности [15]. Сознание личности представляет собой внутренний план

осуществляемой ей деятельности, основанный на различного рода убеждениях и в том числе самоотождественности с региональным социумом. А сама деятельность, выражающаяся в единицах поведения в рамках реализации видов социальной активности — это внешняя форма выражения сознания. Несмотря на то, что предпосылки в рамках формирования убеждений начинают складываться в возрастной период раннего детства, окончательно убеждения вырабатываются именно на основе личного опыта, при реализации разных форм социальной активности (реальной, виртуальной, образовательной, социально-бытовой, гражданской и т.д.). Современными исследователями также обозначается первостепенная роль опыта взаимодействия с окружающим миром в контексте формирования базисных убеждений личности [18]. Л.С. Выготским подчеркивается, что базисные убеждения начинают формироваться на довербальных стадиях онтогенеза и в процессе общения ребенка со значимыми взрослыми. В то же время базисные убеждения также характеризуются той или иной степенью гибкости под влиянием социума (т.е. социальной активностью личности) [6].

С позиции субъектного подхода активность личности выступает механизмом поиска и проверки внутренних основ ее поведения и деятельности, а убеждения являются элементами экзистенциального опыта, относящимися не только к конкретным социальным ситуациям, но и к жизненной позиции субъекта [16]. С точки зрения ценностно-деятельностной концепции убеждения зависят от мировоззренческой ориентировки, которая в свою очередь является важным компонентом готовности к регуляции активности и поведения личности [15]. Можно предположить,

что социальная активность выступает механизмом, формирующим и изменяющим убеждения личности, а конкретные формы активности являются предикторами убеждений, в том числе по поводу социальной (региональной) идентичности личности. Необходимо заметить, что разнообразные виды социальной активности предполагают специфическую деятельность субъекта активности, особенности которой исходят из содержания, целей и конкретных форм активности. Следовательно, уместно говорить о том, что определенные виды активности могут выступать предикторами формирования конкретных убеждений индивида, что обусловлено спецификой различных видов активности. Сама возможность формирования и трансформации убеждений как личностного образования на основе участия в различных видах социальной активности исходит из представлений С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева о взаимосвязи личности и деятельности [15; 19].

Комплексное исследование форм социальной активности проведено научным коллективом, в который входят авторы статьи. Рассмотрены различные аспекты социальной активности молодежи: предпочтение тех или иных форм, их взаимосвязь с ценностями, социально-демографическими характеристиками, уровнем образования, в том числе и соотношением социальной активности и гражданского самосознания молодежи [8]. Необходимо также изучить и вопросы соотношения форм социальной активности молодежи с региональной идентичностью, поскольку конкретные формы молодежной активности проявляются, прежде всего, в регионе проживания.

Цель настоящего исследования — рассмотреть формы социальной активности

в роли предикторов формирования убеждений и региональной идентичности.

Метод

Выборка исследования составила 920 респондентов, 35% мужского пола, в возрасте 14–35 лет, средний возраст — 20 лет. Из них в сельской местности проживают 7%, в малых городах — 24%, в крупных городах — 63%, в мегаполисах — 6%.

Методы и методики исследования. Социальная активность молодежи исследовалась на основе анализа ее форм при помощи анкеты измерения различных видов социальной активности (Р.М. Шамионов, М.В. Григорьева, И.В. Арндачук и др.) [27]. Анкета предполагает оценку частоты реализации респондентом 18 основных форм социальной активности молодежи (Альтруистическая деятельность; Досуговая активность; Спортивно-оздоровительная активность; Культурно-массовая активность; Семейно-бытовая активность; Экологическая активность; Социально-политическая активность; Интернет-сетевая активность; Интернет-поисковая активность; Гражданская активность; Социально-экономическая активность; Профессиональная активность; Образовательно-развивающая активность; Духовная активность; Религиозная активность; Протестная активность; Радикально-протестная активность; Субкультурная активность).

Уровень региональной идентичности определялся путем подсчета среднего значения по шкале «Региональная идентичность», характеризующей респондента с позиции постоянства проживания в регионе; наличия типичных черт, свойственных жителям данного региона; заинтересованности и готовности к деятельности, направленной на развитие своего региона. Показатели региональной идентичности были выделены из анкеты оценки гражданского самосознания [8]. В отличие от

существующих методов измерения региональной идентичности, например, опросника социокультурной идентичности О.В. Крупенко и О.В. Фроловой, который определяет в основном эмоциональное отношение к месту проживания, и методика «Идентификация с человечеством» (IWAN) С. МакФарленда, измеряющей когнитивно-аффективный компонент отношения к стране проживания, используемая в нашем исследовании методика «Региональная идентичность» позволяет комплексно оценить необходимые показатели. Учитывая представления о региональной идентичности как о комплексном явлении, формируемом и проявляющемся в многообразии структурных компонентов личности, предлагаемые шкалы позволяют проанализировать уровень региональной идентичности с позиции ценностного компонента, выражающегося в отношении к региону проживания и определяющегося готовностью выстраивать жизненный сценарий на основе устойчивой связи с регионом проживания; уровнем социальной идентификации (определением и оценкой у себя типичных черт региональной социальной общности); заинтересованностью и готовностью к деятельности в интере-

сах региона проживания. Такой подход позволяет рассмотреть региональную идентичность в контексте мировоззренческой структуры личности и открывает перспективу анализа взаимосвязи уровня региональной идентичности с социальной активностью, в которой ценности и мировоззренческие убеждения личности трансформируются и проявляются в качестве регулятора деятельности.

Установки в молодежной среде были выделены на основе опросника «Шкала базисных убеждений» (World assumptions scale – WAS) R. Janoff-Bulman (Р. Янов-Бульман), в адаптации О. Кравцовой [21]. Методика предполагает оценку сформированности 8 базисных убеждений («Благосклонность мира»; «Доброта людей»; «Справедливость мира»; «Контролируемость мира»; «Случайность происходящего»; «Ценность собственного “Я”»; «Степень самоконтроля»; «Степень удачи»).

Результаты

Из табл. 1 видно, что большинство показателей региональной идентичности молодежи находится на уровне выше среднего. В среднем выражено отсутствие

Таблица 1

Описательные статистики показателей региональной идентичности

Показатели	Минимум	Максимум	Среднее	Среднеквадратичное отклонение
Постоянный житель региона	1,00	5,00	3,64	1,32
Имею типичные черты жителя региона	1,00	5,00	3,09	1,29
Не хочу менять регион проживания	1,00	5,00	2,63	1,39
Многое связывает с регионом	1,00	5,00	3,46	1,29
Интересны идеи развития региона	1,00	5,00	3,61	1,24
Готов действовать для развития региона	1,00	5,00	3,42	1,23
Общее среднее значение региональной идентичности	1,00	5,00	3,31	0,94

желания поменять регион проживания, хотя по этому показателю выборка в большей степени разнородна. В результате проверки на нормальность распределения в программе SPSS было выявлено нормальное распределение по всем показателям региональной идентичности.

Убеждения у молодежи имеют достаточную выраженность (см. табл. 2). Из таблицы видно, что в большей степени у молодежи выражено убеждение в том, что возможно контролировать себя ($M = 17,33$), в меньшей степени — убеждение в ценности собственного «Я». Асимметрия и эксцесс близки к нулю, что свидетельствует о нормальности распределения признака по всем шкалам.

В результате регрессионного анализа были получены модели, объясняющие от 3,8 до 47,8% дисперсии. Относительно слабые с точки зрения вариативности признака модели, где зависимой переменной выступили региональная идентичность (5,3% дисперсии) и убеждения в контролируемости мира (3,9% дисперсии), в случайности происходящего (6,5% дисперсии), самоконтроле (4,4% дисперсии), удачливости (3,8% дисперсии), а независимыми переменными — самооценка

различных форм социальной активности. Кроме того, было выявлено, что два убеждения не имеют значимых предикторов со стороны форм социальной активности: убеждение в благосклонности и справедливости мира. Предиктором региональной идентичности и убеждений личности не является также возраст респондентов. Модели, где зависимыми переменными были убеждения в доброте людей, ценности собственного «Я», получили достаточный процент вариативности признака (29% и 47,8% соответственно).

Результаты регрессионного анализа представлены в табл. 3.

Из табл. 3 видно также, что предикторами региональной идентичности и убеждений молодежи не являются альтруистическая, спортивно-оздоровительная, культурно-массовая, экологическая, социально-экономическая, духовная, религиозная, протестная и радикально-протестная формы активности.

Интернет-сетевая и субкультурная формы социальной активности молодежи в сравнении с другими формами чаще выступают предикторами региональной идентичности и убеждений личности (см. табл. 3).

Таблица 2
Описательные статистики убеждений личности (max=24 для всех шкал)

Показатели убеждений	Благосклонность мира	Доброта людей	Справедливость мира	Контролируемость мира	Случайность происходящего	Ценность собственного «Я»	Степень самоконтроля	Степень удач
Статистические показатели								
Среднее значение	16,44	14,63	14,73	16,04	15,98	15,04	17,33	15,51
Стандартное отклонение	4,37	3,36	4,2	3,51	4,03	4,21	3,5	4,02
Медиана	17	14	15	16	16	14	17	16
Асимметрия	-0,27	0,07	-0,11	-0,04	-0,21	0,29	-0,1	-0,12
Эксцесс	-0,2	0,85	-0,17	0,07	0,07	0,02	-0,13	-0,19

Таблица 3
 Стандартизированные коэффициенты (β) значимых предикторов региональной идентичности
 и убеждений личности

Зависимые переменные	Досуговая	Семейно-бытовая	Социально-политическая	Интернет-сетевая	Интерне-поисковая	Гражданская	Профессиональная	Образовательно-развивающая	Субкультурная
Региональная идентичность	н/з	н/з	н/з	н/з	-0,170*	н/з	0,101*	н/з	0,113*
Убеждение в доброте людей	н/з	н/з	н/з	-0,205*	н/з	0,245**	0,396**	н/з	0,190*
Убеждение в контролируемости мира		-0,096*	н/з	н/з	н/з	0,154*	н/з	н/з	н/з
Убеждение в случайности происходящего	-0,169*	н/з	н/з	0,147*	н/з	н/з	н/з	н/з	-0,104*
Убеждение в ценности собственного «Я»	0,377**	н/з	н/з	н/з	н/з	н/з	н/з	н/з	-0,417**
Убеждение в самоконтроле	н/з	н/з	-0,135*	0,101*	-0,122*	н/з	н/з	н/з	н/з
Убеждение в удачливости	н/з	н/з	н/з	н/з	н/з	н/з	н/з	-0,133*	н/з

Примечания: * — при $p < 0,05$; ** — при $p < 0,01$, н/з — не значимо.

Обсуждение результатов

Как следует из табл. 3, основными предикторами региональной идентичности выступают такие формы социальной активности, как интернет-поисковая активность со знаком минус, профессиональная и субкультурная активность со знаком плюс. Из полученных данных видно, что положительными предикторами являются формы социальной активности молодежи, которые включают субъектов активности в малые социальные группы на локальном уровне (профессиональная группа, субкультурная группа), а отрицательным предиктором является форма активности, связанная с изучением и поиском информации и социальных контактов в глобальном сетевом пространстве. Следовательно, чем больше респонденты включены в социальную активность на уровне малых, локальных социальных групп в своем регионе и чем меньше они реализуют взаимодействие на глобальном уровне, тем выше уровень их региональной идентичности.

Интересная и неоднородная картина наблюдается в результатах регрессионного анализа базисных убеждений личности и различных форм социальной активности молодежи. Прежде всего необходимо заметить, что невысокие значения дисперсии, приведенные далее при интерпретации регрессионного анализа, объясняются тем, что нами были построены модели регрессии для каждого базисного убеждения отдельно, а не для объединенного набора базисных убеждений, выделяемых в методике. Это объясняется значительным объемом анализируемых переменных для каждого убеждения и целью исследования, которая предполагает определение предикторов на основе форм социальной активности не для системы убеждений личности, а для каждого кон-

кретного убеждения. Подробнее осветим полученные результаты.

Для таких базисных убеждений, как «Благосклонность мира» и «Справедливость мира», значимых предикторов из числа форм социальной активности молодежи не выявлено, что, возможно, связано с особенностями формирования этих убеждений не в процессе собственной активности. Скорее всего, данные убеждения формируются как отражение активности и отношений социального окружения и общественных процессов в целом.

Для убеждения «Доброта людей» основными положительными предикторами из числа форм социальной активности являются гражданская, профессиональная, субкультурная формы активности; отрицательным предиктором — интернет-сетевая активность (см. табл. 3). Можно предположить, что формы социальной активности, реализуемые совместно с единомышленниками, объединенными общими целями, взглядами и идеями, приводят к формированию положительной оценки соакторов активности, что выражается в увеличении уровня убежденности в доброте и благосклонности людей. В виртуальной среде деятельность реализуется посредством интернет-сетевой социальной активности. Как показывают наши исследования [8; 32], взаимодействие в виртуальной среде имеет свои специфические черты. К основным специфическим характеристикам такого взаимодействия можно отнести высокий уровень свободы поведения и высказываний, низкий уровень контроля и доступность высказывания, что приводит к более открытому выражению противоборствующих, а часто и агрессивных позиций во взаимодействии между субъектами активности, что выражается в снижении веры в базисную доброту людей.

Основным положительным предиктором для убеждения «Контролируемость мира» выступает гражданская активность, а отрицательным — семейно-бытовая активность (см. табл. 3). Из полученных данных видно, что выделенные формы активности находятся на разных полюсах шкалы уровней организации социальной активности. Если семейно-бытовая активность относится к социальной активности в микрогруппе (микроуровень), то гражданская активность традиционно нацелена на макрогруппы (макроуровень). Можно сделать вывод о том, что чем чаще субъект реализует социальную активность на макроуровне, нацеленную на позитивную трансформацию социума (позитивная трансформация общества может рассматриваться как основная задача гражданской активности), тем сильнее укрепляется его вера в контролируемость мира. Тогда как предпочтение социальной активности на микроуровне не позволяет субъекту активности получить опыт влияния на общество в целом, что снижает убежденность в возможностях контроля мира как социальной системы.

В случае убеждения «Случайность происходящего» положительным предиктором является интернет-сетевая активность, отрицательными предикторами — досуговая и субкультурная активность (см. табл. 3). Результаты можно интерпретировать следующим образом: убеждение в случайности происходящих событий с наибольшей степенью интенсивности формируется тогда, когда субъект активности наблюдает значительное количество событий без понимания четкой причинно-следственной связи, что характерно для информационного пространства в виртуальной среде, взаимодействие с которым организуется на основе интернет-сетевой активности.

В виртуальной среде субъект активности становится свидетелем множества разнообразных событий, явлений, ситуаций и не всегда способен осознать и проанализировать причинно-следственные связи наблюдаемых событий, ситуаций и явлений, что приводит к формированию убежденности в случайности происходящих событий. С другой стороны, чем активнее субъект деятельности реализует формы социальной активности, связанные с выполнением социально-коммуникативных и рекреационных потребностей (субкультурная и досуговая формы активности), тем больше он целенаправленно организует собственное свободное время, управляет своим жизненным сценарием. Респондент, активно организующий собственную деятельность, напрямую не регулируемую социальными ролями, к которым можно отнести досуговую и субкультурную активность, склонен к формированию противоположных убеждений, не связанных с представлениями о случайности происходящих событий. Можно предположить, что опыт организации дает человеку уверенность в том, что события, происходящие с ним и вокруг него, не случайны, а организованы и имеют причинно-следственные связи с деятельностью субъекта активности и окружающих его социальных агентов.

Убежденность в ценности собственного «Я» на 48% дисперсии объясняется формами социальной активности. Положительным предиктором выступает досуговая активность, отрицательным предиктором — субкультурная активность. Из результатов регрессионного анализа следует, что чем активнее человек участвует в организации субъективно значимой деятельности, направленной на восполнение потребностей в рекреации, удовлетворение интереса, поиск и реализацию различных форм времяпре-

проведения, имеющих субъективную значимость (досуговая активность), тем выше его убежденность в ценности собственного «Я». Эта взаимосвязь может основываться на доминировании определенных компонентов в структуре ценностных ориентаций личности. Человек, уделяющий время субъективно значимой деятельности, направленной на восполнение собственных рекреационных потребностей, очевидно, считает деятельность подобного рода значимой и представляющей ценность для собственного «Я», что, вероятно, укрепляет убеждение и в ценности собственного «Я».

В случае с отрицательным предиктором (субкультурная активность) объяснение исходит из представлений о феноменах групповой динамики, присущих в том числе и субкультурным группам. В данном случае можно говорить о явлении относительной деиндивидуализации, диффузии ответственности, доминирующей групповой идентичности. Комплекс групповых социально-психологических параметров способствует актуализации социально-групповой мотивации, снижению уровня индивидуальности в деятельности, что приводит к снижению ценности собственного «Я» у субъектов, реализующих социальную активность в достаточно регламентированных и формализованных субкультурных группах.

Для убеждения «Степень самоконтроля» основным положительным предиктором выступает интернет-сетевая активность, а отрицательными предикторами являются социально-политическая и интернет-поисковая активность (см. табл. 3). Необходимо заметить, что интернет-сетевая активность отличается от интернет-поисковой тем, что интернет-сетевая подразумевает более широкие представления о деятельности в виртуальном пространстве. К элементам такой

деятельности можно отнести общение, публичные высказывания; создание и размещение контента; игру и т.д. Тогда как интернет-поисковая активность сосредоточена на поиске новой информации, коммуникативных контактов, возможностей и т.д. На основе полученных ранее данных о способности форм социальной активности взаимодействовать, интегрироваться и образовывать метаформы [6] можно предположить, что в случае, если субъект активности реализует те виды деятельности, которые направлены на активное участие в социально-политическом процессе (социально-политическая активность), в том числе и при помощи поиска актуальной информации социально-политического характера (интернет-поисковая активность), убежденность в контролируемости собственной жизни снижается. Респондент в процессе такого рода активности получает представление о значительном объеме внешних факторов, влияющих на жизненный сценарий через социально-политическую структуру общества, и осознает свою роль в процессе принятия и реализации глобальных социально-политических решений, которые влекут за собой последствия для жизненного сценария субъекта, как малозначимую. С другой стороны, в силу специфических особенностей виртуального пространства [32] активная деятельность, направленная на взаимодействие в виртуальной среде, приводит к росту убеждения в «степени самоконтроля» собственной жизни, поскольку сам субъект такого рода виртуальной активности является творцом виртуальной действительности, который конструирует свое социальное пространство, начиная от коммуникативной составляющей, заканчивая характеристиками и содержанием информационного поля.

Для убеждения «Степень удачи» были получены следующие данные. Основным отрицательным предиктором является образовательно-развивающая активность, это объясняется тем, что активное участие в образовательно-развивающей деятельности повышает уровень образования и общей осведомленности, что приводит к осознанию причинно-следственных связей между явлениями и формирует представления о событиях как о результатах деятельности, что уменьшает уверенность в удаче как в случайном порядке благополучно сложившихся обстоятельств.

Выводы

Таким образом, можно подвести следующие итоги. Региональная идентичность молодежи незначительно определяется формами социальной активности, в которые включена молодежь. Основными предикторами региональной идентичности являются те формы социальной активности, которые реализуются в локальных группах на региональном уровне.

Исходя из показателей дисперсии, формы социальной активности являются наиболее значимыми предикторами таких убеждений, как «Доброта людей» и «Ценность собственного «Я»». Это объясняется тем, что социальная активность как форма деятельности невозможна вне социального контекста и без взаимодействия с другими субъектами активности. Следовательно, социальная активность

наиболее значимо влияет на те убеждения личности, которые в наибольшей степени формируются на основе качества и содержания социального взаимодействия. В случае с «Добротой людей» социальная активность способствует совместной деятельности субъектов активности, на основе которой и формируется оценка доброты и благосклонности людей. В случае с «Ценностью собственного «Я»» некоторые формы социальной активности предполагают включение субъекта активности в формализованные социальные группы, где на убеждения и поведение личности активно влияют социально-психологические групповые параметры, что отражается на самооценке индивидуальности.

Исходя из количественных показателей, наиболее значимыми предикторами из форм социальной активности молодежи для базисных убеждений личности являются интернет-сетевая и субкультурная активность, выступающие предиктором для 3-х базисных убеждений. Интернет-сетевая активность выступает положительным предиктором для таких убеждений, как «Степень самоконтроля», «Случайность происходящего», и отрицательным предиктором для убеждения «Доброта людей». Субкультурная активность является положительным предиктором для убеждения «Доброта людей» и отрицательным предиктором для таких убеждений, как «Случайность происходящего» и «Ценность собственного «Я»».

Литература

1. Авилон Г.М., Кранзеева Е.А., Яницкий Л.С. Региональная идентичность молодежи и проблема формирования имиджа региона // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 1(33). С. 110–119.
2. Арендачук И.В. Деятельностные характеристики социальной активности молодежи разных возрастных групп // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2020. Т. 9. № 2. С. 148–161. DOI:10.18500/2304-9790-2020-9-2-148-161

3. *Балог А.И.* Влияние социальной активности молодежи на ее позиции на рынке труда // Социальные и гуманитарные знания. 2017. Т. 3. № 1. С. 55–62.
4. *Балог А.И.* Социальная активность молодежи как фактор ее интеграции в современное общество [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 29. С. 318–321. URL: <http://e-koncept.ru/2017/770870.htm> (дата обращения: 20.04.2022).
5. *Березутский Ю.В., Стасюк Е.В.* Региональная идентичность молодежи Хабаровского края и ее «социальные якоря» // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 1(98). С. 91–106.
6. *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций. М.: Педагогика, 1983. 328 с.
7. *Гальченко А.С.* Методологические проблемы исследования гражданской идентичности как психологического феномена // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2018. Т. 4. № 4. С. 107–117. DOI:10.18413/2313-8971-2018-4-4-0-10
8. *Григорьева М.В., Шаров А.А., Заграничный А.И.* Структура и мотивация социальной активности и ее соотношение с гражданским самосознанием молодежи // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 1. С. 142–158. DOI:10.17759/sps.2022130109
9. *Гриценко В.В., Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Значимость гражданской, этнической и региональной идентичности для жителей малых российских городов и ее детерминанты // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 4. С. 165–181. DOI:10.17759/sps.2020110412
10. *Еремина Е.В., Ретинская В.Н.* Региональная и гражданская идентичность: взаимосвязь и механизмы формирования // Социальные и гуманитарные знания. 2016. № 9. С. 190–197.
11. *Залесский Г.Е.* Психология мировоззрения и убеждений личности. М.: Изд-во МГУ, 1994. 138 с.
12. *Казанцев Д.А., Качусов Д.А.* Региональная идентичность в сознании молодежи Сибири и Дальнего Востока // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Т. 7. № 2(26). С. 134–145.
13. *Кисляков П.А., Шмелева Е.А.* Психология безопасного просоциального поведения личности. М.: Когито-Центр, 2021. 357 с.
14. *Кобышева Л.И.* Влияние социальной активности на нравственное самоопределение студентов [Электронный ресурс] // Интернет-журнал науковедение. 2013. № 4(17). С. 72. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/73pvn413.pdf> (дата обращения: 29.04.2022).
15. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
16. *Лодде О.А.* Основные положения субъектно-деятельностного подхода в рамках исследования адаптивности личности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 4А. С. 175–181. DOI:10.34670/AR.2019.44.4.021
17. *Максимова Л.А., Валиев Р.А., Руженцева Н.Б., Валиева Т.В.* Региональная идентичность в юношеском возрасте как маркер личностной связи с территорией проживания // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 2. С. 82–92. DOI:10.17759/pse.2019240208
18. *Меркурьев Д.В.* Феномен базисных убеждений личности: обзор исследований // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2022. № 1(17). С. 71–78. DOI:10.24411/2409-4102-2022-10111
19. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000. 705 с.
20. *Ситаров В.А., Маралов В.Г.* Социальная активность личности (уровни, критерии, типы и пути ее развития) // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 164–176.
21. *Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Прокофьева Т.Ю.* Психодиагностика толерантности личности. М.: Смысл, 2008. 112 с.
22. *Сычева Т.Ю.* Социально-психологические установки как фактор, определяющий моральное сознание личности // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2009. № 6. С. 242–249.
23. *Тумакова К.Е.* Региональная идентичность и брендинг как социально-управленческий ресурс // Власть. 2010. № 3. С. 70–73.

24. Усова Н.В. Социально-демографические детерминанты направленности социальной активности современной молодежи // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2019. Т. 18. № 2. С. 15–22. DOI:10.17922/2071-2019-18-2-15-22
25. Хуторная М.А., Баркалова Е.В. Психологический анализ компонентов понятия «мировоззрение» // Перспективы Науки и Образования. 2018. № 2(32). С. 188–191.
26. Цильмак А.Н. Типология жизнедеятельностных установок личности [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2012. № 1. URL: https://psyjournals.ru/files/50199/psyedu_ru_2012_1_Tsilmak.pdf (дата обращения: 29.04.2022).
27. Шамионов Р.М. Социальная активность и склонность к риску студентов с автономным и зависимым типами субъектной регуляции // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 1. С. 94–112. DOI:10.17759/sps.2021120107
28. Шамионов Р.М. Соотношение социальной активности и удовлетворенности базовых психологических потребностей, субъективного благополучия и социальной фрустрированности молодежи // Сибирский психологический журнал. 2020. № 77. С. 176–195.
29. Шамионов Р.М. Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 4. С. 379–394. DOI:10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394
30. Шамионов Р.М., Григорьева М.В., Григорьев А.В. Волевые качества как предикторы значимости социальной активности студентов // Социальная психология и общество. 2019. Том 10. № 1. С. 18–34. DOI:10.17759/sps.2019100102
31. Шамионов Р.М., Невский Е.В. Специфика глазодвигательных реакций и ценностей как предикторов социальной активности студентов // Перспективы науки и образования. 2020. № 3. С. 294–307. DOI:10.32744/pse.2020.3.22
32. Zagranchniy A.I. Study of the correlation of factors affecting frequency of social activity transfer from virtual environment to real-world environment and vice versa people // SHS Web Conf. Trends in the Development of Psycho-Pedagogical Education in the Conditions of Transitional Society (ICTDPP-2019). 2019. Vol. 70. P. 08046. DOI:10.1051/shsconf/20197008046

References

1. Avilov G.M., Kranzeeva E.A., YAnickij L.S. Regional'naya identichnost' molodezhi i problema formirovaniya imidzha regiona [Regional identity of youth and the problem of forming the image of the region]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom = Professional Education in Russia and Abroad*, 2019, no. 1(33), pp. 110–119. (In Russ.).
2. Arendachuk I.V. Deyatel'nostnye kharakteristiki sotsial'noi aktivnosti molodezhi raznykh vozrastnykh grupp [Activity characteristics of social activity of young people of different age groups]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = News of Saratov University. New series. Series: Acmeology of Education. Developmental Psychology*, 2020. Vol. 9, no. 2, pp. 148–161. DOI:10.18500/2304-9790-2020-9-2-148-161 (In Russ.).
3. Balog A.I. Vliyaniye social'noj aktivnosti molodyozhi na eyo pozitsii na rynke truda [The influence of social activity of young people on its position on the labour market]. *Social'nye i gumanitarnye znaniya = Social and humanitarian knowledge*, 2017. Vol. 3, no. 1, pp. 55–62. (In Russ.).
4. Balog A.I. Social'naya aktivnost' molodyozhi kak faktor eyo integracii v sovremennoe obshchestvo [Elektronnyj resurs] [Social activity of youth as a factor of its integration into modern society]. *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal Koncept = Scientific and methodological electronic journal Koncept*, 2017. Vol. 29, pp. 318–321. URL: <http://e-koncept.ru/2017/770870>. HTM (Accessed 20.04.2022).
5. Berezutskij YU.V., Stasyuk E.V. Regional'naya identichnost' molodezhi habarovskogo kraya i ee «social'nye yakorya» [Regional identity of the youth of the Khabarovsk Territory and its «social

- anchors»]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii = Power and management in the East of Russia*, 2022, no. 1(98), pp. 91–106. (In Russ.).
6. Vygotskij L.S. Istorija razvitiya vysshih psicheskikh funkcij [History of Development of Higher Mental Functions]. Moscow: Pedagogika Publ., 1983. Vol. 3. 328 p.
7. Gal'chenko A.S. Metodologicheskie problemy issledovaniya grazhdanskoj identichnosti kak psichologicheskogo fenomena [Methodological problems of research of civil identity as a psychological phenomenon]. *Nauchnyi rezul'tat. Pedagogika i psichologiya obrazovaniya = Scientific Result. Education and psychology of education*, 2018, no. 4, pp. 107–117. DOI:10.18413/2313-8971-2018-4-4-0-10 (In Russ.).
8. Grigoryeva M.V., Sharov A.A., Zagranichnij A.I. Struktura i motivaciya social'noj aktivnosti i ee sootnoshenie s grazhdanskim samosoznaniem molodezhi [The Structure of Social Activity and its Correlation with the Civic Consciousness of Young People]. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 142–158. DOI:10.17759/sps.2022130109 (In Russ.).
9. Gritsenko V.V., Ostapenko L.V., Subbotina I.A. Znachimost' grazhdanskoj, etnicheskoi i regional'noj identichnosti dlya zhitelej malyh rossijskih gorodov i ee determinanty [The Importance of Civil, Ethnic and Regional Identity for Residents from Small Russian Towns and its Determinants]. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 4, pp. 165–181. DOI:10.17759/sps.2020110412 (In Russ.).
10. Eremina E.V., Retinskaya V.N. Regional'naya i grazhdanskaya identichnost': vzaimosvyaz' i mekhanizmy formirovaniya [Regional and civic identity: interrelation and mechanisms of formation]. *Social'nye i gumanitarnye znaniya = Social and humanitarian knowledge*, 2016, no. 9, pp. 190–197. (In Russ.).
11. Zalesskij G.E. Psihologiya mirovozzreniya i ubezhdenij lichnosti [Psychology of a person's worldview and beliefs]. Moscow: MGU Publ., 1994. 138 p.
12. Kazancev D.A., Kachusov D.A. Regional'naya identichnost' v soznanii molodezhi Sibiri i Dal'nego Vostoka [Regional identity in the minds of the youth of Siberia and the Far East]. *Social'nye i gumanitarnye znaniya = Social and humanitarian knowledge*, 2021. Vol. 7, no. 2(26), pp. 134–145. (In Russ.).
13. Kislyakov P.A., Shmeleva E.A. Psihologiya bezopasnogo prosocial'nogo povedeniya lichnosti [Psychology of safe prosocial behavior of a person]. Moscow: Cogito-Center Publ., 2021. 357 p.
14. Kobysheva L.I. Vliyanie social'noj aktivnosti na nraivstvennoe samoopredelenie studentov [Elektronnyj resurs] [The influence of social activity on the moral self-determination of students]. *Internet-zhurnal naukovedenie = Online journal of Science Studies*, 2013, no. 4(17), p. 72. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/73pvn413.pdf> (Accessed 21.04.2022).
15. Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost [Activity. Conscience. Personality]. Moscow: Politizdat Publ., 1977. 304 p.
16. Lodde O.A. Osnovnye polozheniya sub'ektno-deyatelnostnogo podhoda v ramkah issledovaniya adaptivnosti lichnosti [The main provisions of the subject-activity approach in the framework of the study of personality adaptability]. *Psichologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya = Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches*, 2019, no. 8(4A), pp. 175–181. DOI:10.34670/AR.2019.44.4.021 (In Russ.).
17. Maksimova L.A., Valiev R.A., Ruzhenceva N.B., Valieva T.V. Regional'naya identichnost' v yunosheskom vozraste kak marker lichnostnoj svyazi s territoriej prozhivaniya [Regional identity in adolescence as a marker of personal connection with the territory of residence]. *Psichologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2019. Vol. 24, no. 2, pp. 82–92. DOI:10.17759/pse.2019240208 (In Russ.).
18. Merkur'ev D.V. Fenomen bazisnyh ubezhdenij lichnosti: obzor issledovanij [The phenomenon of personal basic beliefs: a review of research]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovanie i zdravoohranenie = Bulletin of Chelyabinsk State*

University. Education and Healthcare, 2022, no. 1(17), pp. 71–78. DOI:10.24411/2409-4102-2022-10111 (In Russ.).

19. Rubinshtejn S.L. *Osnovy obshchej psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. Saint Petersburg: Piter Publ., 2000. 705 p.

20. Sitarov V.A., Maralov V.G. Social'naya aktivnost' lichnosti (urovni, kriterii, tipy i puti ee razvitiya) [A person's social activity (levels, types, criteria and ways of development)]. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, 2015, no. 4, pp. 164–176. (In Russ.).

21. Soldatova G.U., Shajgerova L.A., Prokof'eva T.Yu. et al. Psihodiagnostika tolerantnosti lichnosti [Psychodiagnostics of personality tolerance]. Moscow: Smysl, 2008. 112 p. (In Russ.).

22. Sychyova T.YU. Social'no-psihologicheskie ustanovki kak faktor, opredelyayushchij moral'noe soznanie lichnosti [Socio-psychological attitudes as a factor determining the moral consciousness of the individual]. *Interekspo Geo-Sibir' = Interexpo Geo-Siberia*, 2009, no. 6, pp. 242–249. (In Russ.).

23. Tumakova K.E. Regional'naya identichnost' i brending kak social'no-upravlencheskij resurs [Regional identity and branding as a socio-managerial resource]. *Vlast' = Power*, 2010, no. 3, pp. 70–73. (In Russ.).

24. Usova N.V. Sotsial'no-demograficheskie determinanty napravlenosti sotsial'noi aktivnosti sovremennoi molodezhi [Socio-demographic determinants of the orientation of social activity of modern youth]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta = Scientific notes of the Russian State Social University*, 2019. Vol. 18, no. 2, pp. 15–22. DOI:10.17922/2071-2019-18-2-15-22 (In Russ.).

25. Hutornaya M.A., Barkalova E.V. Psihologicheskij analiz komponentov ponyatiya «mirovozzrenie» [Psychological analysis of the components of the concept «worldview»]. *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya = Prospects of Science and Education*, 2018, no. 2(32), pp. 188–191. (In Russ.).

26. Cil'mak A.N. Tipologiya zhiznedeyatel'nostnyh ustanovok lichnosti [Elektronnyj resurs] [Typology of life-activity attitudes of personality]. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2012, no. 1. URL: https://psyjournals.ru/files/50199/psyedu_ru_2012_1_Tsil'mak.pdf (Accessed 04/29/2022).

27. Shamionov R.M. Sotsial'naya aktivnost' i sklonnost' k risku studentov s avtonomnym i zavisimym tipami sub'ektnoi regulyatsii [Social activity and risk propensity of students with autonomous and dependent types of subject regulation]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2021. Vol. 12, no. 1, pp. 94–112. DOI:10.17759/sps.2021120107 (In Russ.).

28. Shamionov R.M. Sootnoshenie sotsial'noi aktivnosti i udovletvorennosti bazovykh psikhologicheskikh potrebnosti, sub'ektivnogo blagopoluchiya i sotsial'noi frustrirovannosti molodezhi [Ratio of social activity to satisfaction of basic psychological needs, subjective well-being and social frustration of youth]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Psychological Journal*, 2020, no. 77, pp. 176–195. (In Russ.).

29. Shamionov R.M. Sotsial'naya aktivnost' lichnosti i gruppy: opredelenie, struktura i mekhanizmy [Social activity of the individual and group: definition, structure and mechanisms]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy*, 2018. Vol. 15, no. 4, pp. 379–394. DOI:10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394 (In Russ.).

30. Shamionov R.M., Grigoryeva M.V., Grigoryev A.V. Volevye kachestva kak prediktory znachimosti social'noj aktivnosti studentov [Volitional qualities as predictors of the importance of social activity of students]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2019. Vol. 10, no. 1, pp. 18–34. DOI:10.17759/sps.2019100102 (In Russ.).

31. Shamionov R.M., Nevskii E.V. Spetsifika glazodvigatel'nykh reaktsii i tsennosti kak prediktorov sotsial'noi aktivnosti studentov [Specificity of oculomotor reactions and values as

predictors of social activity of students]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Science and education perspectives*, 2020, no. 3, pp. 294–307. DOI:10.32744/pse.2020.3.22 (In Russ.).

32. Zagranichniy A.I. Study of the correlation of factors affecting frequency of social activity transfer from virtual environment to real-world environment and vice versa people. *Trends in the Development of Psycho-Pedagogical Education in the Conditions of Transitional Society (ICTDPP-2019)*, SHS Web Conf., 2019. Vol. 70, p. 08046. DOI:10.1051/shsconf/20197008046

Информация об авторах

Григорьева Марина Владимировна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогической психологии и психодиагностики, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2541-2186>, e-mail: grigoryevamv@mail.ru

Шаров Алексей Александрович, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогической психологии и психодиагностики, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0635-1413>, e-mail: sha555da@mail.ru

Заграничный Антон Игоревич, ассистент кафедры социальной психологии образования и развития, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1383-9430>, e-mail: zagr.93@inbox.ru

Information about the authors

Marina V. Grigoryeva, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Educational Psychology and Psychodiagnostics, Saratov State University, Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2541-2186>, e-mail: grigoryevamv@mail.ru

Aleksei A. Sharov, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Educational Psychology and Psychodiagnostics, Saratov State University, Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0635-1413>, e-mail: sha555da@mail.ru

Anton I. Zagranichniy, Assistant of the Department of Social Psychology of Education, Saratov State University, Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1383-9430>, e-mail: zagr.93@inbox.ru

Получена 11.06.2022

Received 11.06.2022

Принята в печать 25.01.2023

Accepted 25.01.2023